

гробом для Байрона, когда его тело перевозили из Греции в Англию (№ 44, 1834 г.) и рыба-женщина (№ 194, 1834) и т. п.

Все эти факты говорят, что Гоголь не просто дал волю сумасшедшему воображению Поприщина — он высмеял и спародировал в его видениях тот «бред», который подносился ежедневно читателю на страницах официальной русской газеты. Поприщин как бы выбрасывает из себя весь этот мусор, который накопился в нем за сорок лет молчания, чтоб, очистившись, открыться для нас в финале.

В работах о Гоголе (см. «Реализм Гоголя» Г. А. Гуковского) отмечалось, что само желание стать «королем» вполне сословно и иерархично. Это верно. Король (как и император в России) — пик той пирамиды, на которую взирает снизу в первой части «Записок» Поприщин. Он венец земного, апогей, о котором может грезить помешавшаяся на чине мысль. Но не надо забывать, что Фердинанд VIII все-таки испанский король (хотя, как говорит Поприщин, «у всякого петуха есть Испания»), он даже не Дон Карлос, т. е. не тот, кто более или менее имеет право на престол, а лицо, которого в природе не существует, фантастическое изобретение Поприщина. Он нонсенс не только по отношению к испанскому престолу, но и по отношению к логике.

И хотя воплощение Поприщина на этом этапе происходит в формах, подсказанных той же «Пчелой» — отсюда взяты и «гранды», и вся обстановка испанского двора, — какой он король? Что делает этот так называемый король, «придя к власти»? Чем он занимается? Раздачей чинов? Осмотром королевских подвалов с золотом? Нацепливанием на себя лент, орденов, устройством балов, соблазнением куртизанок, охотой, войною и всем тем, чем занимаются на его месте вновь испеченные венценосцы? Или он, может быть, как истый государственный муж, берется за дела внутренние, преобразовывает, издает указы, отменяет распоряжения предшественника? Нет! Первый призыв Поприщина, оказавшегося среди своих «подчиненных» (сцена в сумасшедшем доме), — «спасем луну!».

Не королевских почестей, не материальных благ желает Поприщин. Его взор обращается к судьбе «нежного шара» Луны, на который грозит сесть Земля. В его помешавшемся воображении главенствует одна мысль — о с о с т р а д а н и и. Им овладевает «сердечное беспокойство». Будучи не очень добр в чине титулярного советника, он, став Фердинандом VIII, не кобенится, не требует поклонения и прощает Мавру, не признавшую его королем. Он довольствуется м о л ч а н и е м в департаменте, молчанием тех людей, которые презирали его и в присутствии которых он сам молчал. Ему достаточно одного впечатления, которое производит его подпись на служебной бумаге: «Фердинанд VIII». Позже он покорно выполняет все «обряды», которые совершают над ним «испанские гранды» до тех пор, пока ему на голову не начинают лить холодную воду.

Почувствовать «непрочность» и «нежность» холодного шара Луны, отделенного от Земли расстоянием во много тысяч километров, — на это не способен булгаринский позитивист. Даже в минуты горячего бреда о том, что он с м о г б ы, дай ему власть, он вряд ли бы на такое решился. Это не хрустящие за обшлагом скюртука реальные бумажки, а нечто, что не взвешивается на весах его сознания. Это л ю б о в ь — любовь, преодолевающая холод п р о с т р а н с т в а, доплескивающая до бездушного шара Луны. Она и Луну готова одушевить, так много в ней сил. В черновом варианте повести Поприщин, плача, спрашивал: «Матушка моя! за что они мучат меня? (Царица=) Голова моя светлая! Ты видишь, как жестоко поступают со мною з а л ю б о в ь!»⁹ (разрядка моя. — И. З.).

Да, его мучают за любовь, за т о с в е т л о е, что обнаружилось, выплеснулось вместе с жалкими желаниями стать камер-юнкером или гене-

⁹ Гоголь Н. В. Сочинения. Изд. 10. М., 1889, т. 5, с. 610.